

КРОКОДИЛ

№ 22 • август • 1982

ISSN 0130-2671

ПЬЯНСТВУ-
БОЙ!

— Вася, быстрей кайся — премию уже дают!

Рисунок Б. САВКОВА.

Р. САРИМОВ, специальный корреспондент Крокодила

ПОДКИДЫШ

Выращенное на сельскохозяйственных нивах и фермах должно в целости и сохранности дойти до места назначения — нашего стола. К сожалению, этого подчас не случается. И повинны в том не только те, кто теряет зерно в поле или оставляет картофель в борозде.

Недостаток хранилищ, транспортные неурядицы, малые перерабатывающие мощности — вот так называемые узкие места, которые «съедают» значительную часть уже произведенной сельхозпродукции.

А конкретно? А конкретно несколько таких «узких мест» мы называем сегодня.

В прошлом году, в ноябре, произошла такая история. Приехав в Петрозаводск, я решил навестить друга. Хозяин дома посадил меня чистить картофель, а сам побежал в магазин...

Когда я очистил содержимое кулька, на дне кастрюли оказалась лишь одна конопатая картофелина. Я ужаснулся и, пока хозяин не пришел, отправился за новым кульком. Увы, картофель кончился...

Тогда я решил сбегать в ближайшее овощехранилище. Но люди называли мне разные адреса. Оказывается, они имели в виду овощехранилище-времянку, которое из года в год кочевало по строящимся объектам: то ютилось в лесотехническом техникуме, то в одном из цехов комбината строительных конструкций, а то даже и в свинарнике! Во всем городе, пожалуй, только драмтеатр и остался неиспользованным под хранение картошки. И то, видимо, лишь потому, что храм искусства не был в обозримом прошлом новостройкой.

Наконец я обнаружил картофель-сироту в строящемся складе Карелпотребсоюза. Увы, кооператоры дали приют подкидышу не из сострадания. Если бы там можно было что-то сохранить, они хранили бы свои собственные овощи.

Внутри помещения, прямо на холодном цементном полу, там и сям маячили кучки бывшего картофеля — полусгнившие, сгнившие и перегнившие. На борьбу с загнивающими клубнями были брошены тысячи горожан.

— Сколько же такого добра уже вывезено за пределы хранилища? — поинтересовался я у хранителей — работников базы горплодоовощторга.

— Двести сорок восемь тонн отдали скоту. Раз. Тридцать три тонны вывезли на городскую свалку. Два. По этим же адресам отгружено около семи тонн моркови. Но это только начало...

В общем, свалка жрет — контора пишет. Впрочем, у горплодоовощторга были и собственные склады. И похуже и получше. Но даже лучшие оставляли желать лучшего. На одном из них ко мне подошел завскладом С. Виноградов:

— За два месяца хранения картофеля нового урожая с вверенного мне склада отгружено скоту на съедение сорок девять тонн, городской свалке — сто сорок...

— Плюс еще пятьсот килограммов,— добавляет привыкшая к точности товаровед К. Калинихина.

— Будет вам мелочиться,— говорю.— Снявши голову по волосам не плачут. Но почему скоту перепадает меньше, а свалке больше? Дорога, что ли, туда протореннее?

Оказывается, дело не в дороге. Оказывается, свалка просто менее разборчива, чем скотина...

В этом хранилище, как и во всех предыдущих, мне встречались озабоченные граждане, призванные спасать клубни.

— Загляните-ка во второе хранилище этого склада,— шепнула одна мобилизованная дама.

Но сопровождавший меня завскладом почему-то туда совсем не рвался. Пришлось идти одному.

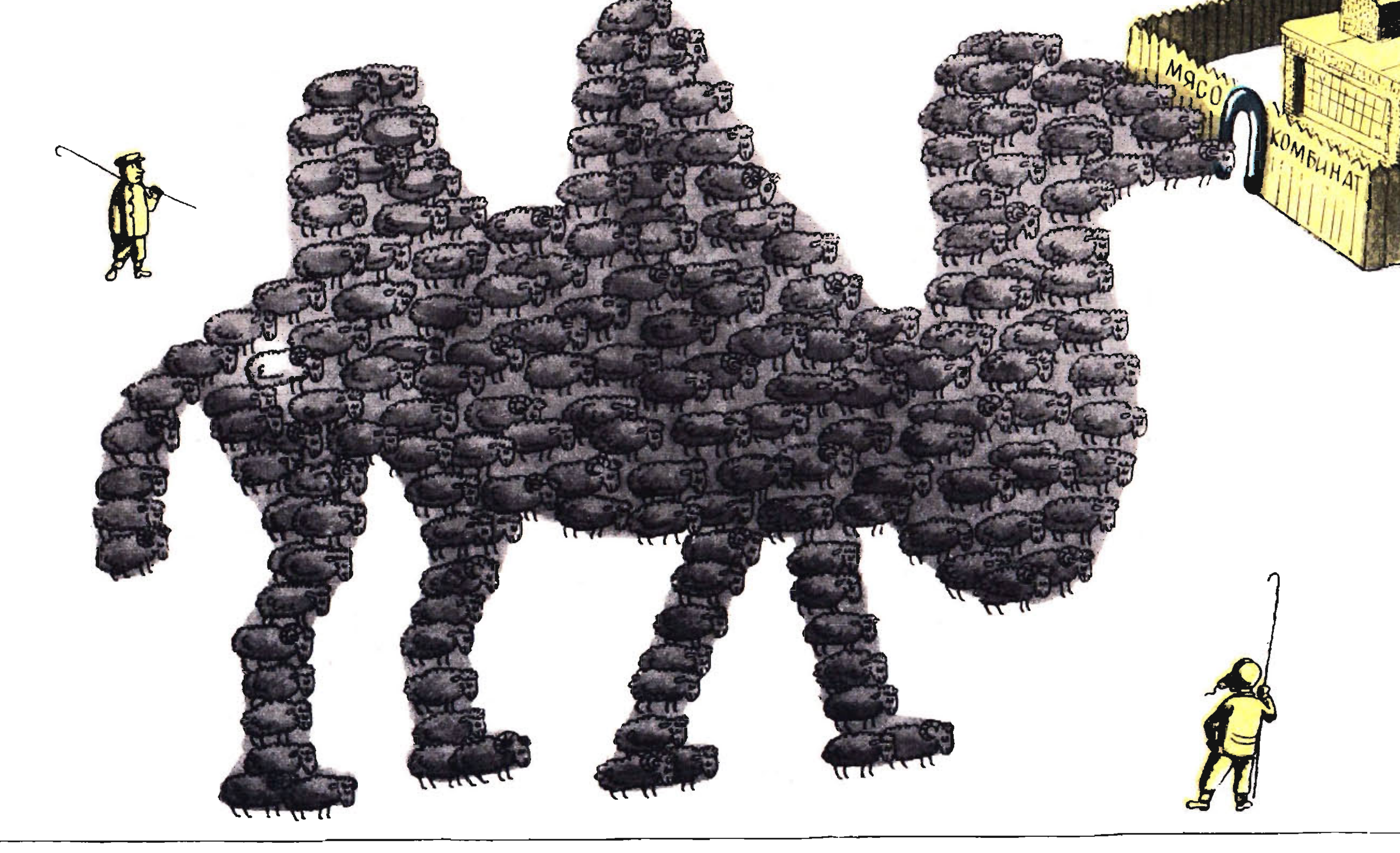
— Хорошо, что объявили сразу, что вы корреспондент,— сказал мужчина профессорского вида с большой совковой лопатой.— А то, не дай бог, могли принять вас за директора горплодоовощторга...

Понятно было, почему «хранители» старались не попадаться лишний раз на глаза «спасателям». Вся нижняя часть разгружаемой засеки представляла собой черную спрессованную массу, удивительно похожую на угольные пласты.

— Чтобы зерно не пропало, решили засеять и собрать новый урожай, пока будем стоять в очереди к элеватору!

Рисунок И. СЫЧЕВА.

ВЕРБЛЮД И ИГОЛЬНОЕ УШКО.

Рисунок Е. ГУРОВА.

— Десятый самосвал уже! — простонал грузчик с лицом доцента.— Только и курсируют от склада до свалки.

Я ходил и дивился, а сопровождавшие давали беглые пояснения:

— Гниль сухая, гниль мокрая. Это белая гниль, это черная, а это абсолютная...

Вот что значит быть специалистом своего дела, с завистью думал я. Все-то они знают. Не то, что я, дилетант, для которого вся гниль на одно лицо.

Когда я выразил директору базы горплодоовощторга А. Ильницкому свое соболезнование по поводу безвременной гибели вверенной ему картошки, Анатолий Леонтьевич поспешил меня успокоить: рано, мол, ее оплакивать, не все еще потеряно. Мобилизованные проявляют чудеса усердия, перебирая уцелевшие клубни. Только за два месяца затрачено на это дело десять тысяч человеко-дней! Что-то наверняка уцелеет.

Сколько же, думаю, набежит тогда этих человеко-дней за год? Золотой получится спасенная картофелина! Если, конечно, спасется.

— Почему не бьете в колокола? — задаю вопрос заместителю начальника объединения «Карелплодоовощхоз» И. Рыженкову.

— Били, даже челом. Столько раз входили с просьбами в министерство о выделении денег на строительство хранилищ!.. Столько же, сколько и выходили с пустыми руками.

Тут уж мне больше ничего не оставалось, как рвануть скорым поездом в Москву, в Министерство плодоовощного хозяйства РСФСР.

— Не опоздали бы, если бы даже добирались почтово-багажным,— встретили меня в министерстве.— Мы все знаем. Только за прошлое мы не в ответе.

— Нам Минторг ничего на строительство овощехранилищ не передавал на всю оставшуюся пятилетку,— сообщил начальник Главного управления капитального строительства Ю. Белоусов.— Средствами не богаты. Но если бы петрозаводчане пришли к нам, имея на руках современную проектную документацию, мы бы, пожалуй, смогли наскрести им деньжат на строительство одного хранилища в год. Емкостью до двух тысяч тонн.

Что ж, подумалось мне, наверное, и малыми средствами можно было бы уже сделать немало. Кроме того, могли бы местные власти подбить на общее дело и предприятия города. И на те «даровые» человеко-дни, которые ежегодно тратятся на переборку и перевозку гнили, хороший хозяйственник давно бы уже справил не одно хранилище. Есть же города, где предприятия принимают живейшее участие в строительстве овощехранилищ. А чем хуже петрозаводчане?

Правда, в последнее время в Петрозаводске что-то задвигалось, зашевелилось. Когда я недавно позвонил туда, заместитель председателя Совета Министров Карельской АССР М. Харанен сказал, что уже есть намерения реконструировать старые склады, возвести новые, уже договорились с Минплодоовощхозом начать строить одно хранилище на две тысячи тонн в восемьдесят третьем году. Одно такое же хранилище обещает построить объединение «Петрозаводскмаш»...

О, если бы старт был взят немного раньше! Тогда у овощей был бы уже свой кров. И не пришлось бы плодоовощникам искать по всему городу новостройки под временные хранилища.

Что же ждет их в этом году? — мучаюсь я вопросом. Какой очередной подвал или свинарник приютит бездомный карельский картофель на его нелегком пути от поля к свалке?

Петрозаводск — Москва.

Мустай КАРИМ

Рассказ

НАСМОРК

С вечера, когда ложилась спать, матушка Шамсинур была в порядке — вся при себе. Пошевелив губами, выпустила она заблудившуюся во рту молитву, и сама, словно топленое масло в тесто, утекла в сон.

Поутру же встала и тонко, проникновенно чихнула три раза. После этого всласть попила чаю. Тут опять вроде бы как в носу защипало. Тогда она еще чихнула. Два раза. И сама себе пожелала:

— Будь здорова, Шамсинур!

Больше в этот ранний час событий не было.

Зайдя к Баллыбанат-старушке за наперстком, она возьми и скажи:

— Простыла я, кажись, соседушка...— И словно в подтверждение, тоненько чихнула. Всего-то один раз.

Баллыбанат этому сообщению не особенно удивилась.

— Скажи снохе, пусть баню истопит да пару веников распарит,— посоветовала она.— И хлещи себя в оба веника сразу, пока душа в гости не соберется. А придешь домой, лезь под тулуп, что от старика остался, и чаю с душицей да медом попей — чтоб пар из-под тулупа повалил. Да ты и сама знаешь, не сегодня белый свет увидела.

На том, может, и порешили бы, да, как на грех, вмешалась Гайша, сноха Баллыбанат:

— А свекровь-то у меня — консерватор! Там, значит, корабли в космос запускают, а здесь — банная каменка, березовый веник, душица? Устарело! Невежество это. Ты бы, свекровушка, постыдилась такие советы человеку давать. Пенициллин, аспирин, амбулатория, доктор... Вот как теперь нужно!

От этой сноушенькиной отповеди Баллыбанат, устыдившись своего консерватизма, шмыгнула в другую комнату. А матушка опять чихнула — еще тоньше.

— Вот видишь,— сказала сноха-новатор,— и сама так думаешь. Надо тебя сейчас же в медпункт отвести.

Гайша глянула в окно. Мимо, стоя в санях, гнал на рысях пятнадцатилетний Ишмурза. Постучав кулаком по раме, сноха остановила его. Ишмурза осадил лошадь и побежал в избу.

— Посади-ка ты, Ишмурза, матушку Шамсинур в сани и отвези в Армак, в медпункт. Если там болеть не оставят, привезешь обратно. Тут три километра всего-то.

Ослушаться Ишмурза не посмел. Муж-то у Гайши кто? Бригадир. А сама Гайша, стало быть, кто? Бригадирова жена.

Матушка сидит посередке, а с двух боков — две молоденькие девушки в белых халатах — одна веснушчатая, другая смуглая. Под мышкой у старушки градусник — правой рукой крепко прижала левый локоть к боку.

Девушки спрашивают по очереди:

— Сколько вам лет, бабушка?

— Шестьдесят девять. Бог даст, и семьдесят стукнет скоро.

— Кто еще дома болен?

— Слава тебе, госпóди, все здоровы. И дома и по хозяйству все в порядке. И скотина благополучно зимует. Когда корма есть, чего бы ей не зимовать? Кормов нынче хорошо выдали. Слов нет, в добром теле скотинушка зимует. И ягнятки, словно мячики, так и прыгают. Пестрая овечка нынче трех принесла. Все, все здоровы...

— А малые дети в доме есть?

Таким вниманием матушка довольна. «Какие воспитанные, заботливые, приветливые...» — думает она про себя.

— Хвала аллаху, полон подол. Какой же дом без детей? От двух сыновей восемь внуков. Озоруют, конечно... Мальчишки ведь, что с них возьмешь. Только и жаловаться грех, все «бабушка» да «бабушка», так и льнут. Вон у соседа Миндияра дети свою бабушку и знать не хотят и в грош не ставят...

— Какими болезнями в детстве болела, бабушка?

— Ой, деточка, ах, медовый твой язык, даже о детских ведь моих годах расспросит, дай бог тебе счастья! Меня маленькую, дочка, никакая хворь не брала. Очень я живая была. В семь лет пряжу пряла, в девять холсты ткала. Меня и замуж-то выдали — от игрушек оторвали. Такие были времена, и не вспоминай...

Ишмурза молча сидит в сторонке. Только иной раз кашлянет в кулак, чтобы напомнить матушке: я тут, дескать, жду, и лошадь на улице стынет.

Веснушчатая девушка берет у бабушки из-под мышки градусник.

— Какая странная, скрытая болезнь! — огорченно качает она головой.— Гляди, какая коварная, даже температуры не дает. 36,9. Где болит-то?

— Вроде бы суставы начинают ныть.

Смуглая морщит лоб:

— Мы такую болезнь лечить не умеем, бабушка... Придется тебя в районную больницу направить.

— Последнее средство,— вздыхает веснушчатая.

Матушка Шамсинур в упрямицах никогда не ходила.

— Как скажете, вы люди ученые,— тут же соглашается она.— А я на подъем легкая. Поехали, Ишмурза, белый свет повидаем. Зимнее путешествие — само по себе целое зрелище.— И тут она чихает в два приема пять раз. Три раза размеренно и еще два быстро вдогонку.

Матушка надевает шубу, заматывается в шаль. Ишмурза, натянув кожаные рукавицы, хлопает ими друг о друга: нам, дескать, все нипочем, куда хотим, туда и едем. А сам искоса бросает взгляд на девушек.

Те выписывают направление и суют бабушке в руку.

За Армаком дорога расходится на две стороны. Правая — в райцентр. На дощечке написано: «12 км». Та, что влево припустила,— в город. До него — «15 км».

На развилке Ишмурза слету осаживает лошадь.

— Матушка,— говорит он,— одежда у нас справная и деньги в кармане есть, на калач хватит. Может, сразу в город махнем? Всей-то разницы — три километра. Пегой кобыле это раз плюнуть. Прямо к профессору пойдем.

— Городская дорога поровней будет... Люди ездят, а мы что?

И пегая кобыла сворачивает на городскую дорогу.

Возле кабинета врача сидят матушка Шамсинур — опять с градусником под мышкой, и беспечный Ишмурза — блестя значком ГТО. Вид у него: нам все нипочем, эка невидаль — город!

Сестричка расспрашивает, сколько лет бабушке, где болит, чем раньше хворала, как здоровье домашних. На каждый вопрос матушка отвечает обстоятельно: и соседей, и родственников, и свойственников — всех помянет.

Сестра смотрит на термометр:

— 37,4. Температура немного повышенная.

— Повысится. В дороге, кажется, спину немного прохватило.

Врач вызывает матушку в кабинет. Она не показывается долго. Наконец выходит. Следом — сам врач. На пороге он дает последнюю консультацию:

— Баня бар?

— Бар, бар. Прошлый год сын построил. Пар такой — треш-шит!

— Березовый веник бар?

— Бар, бар. Сама вязала.

— Тулуп бар?

— Бар, бар. Старик помирал, хороший тулуп оставлял.

— Душица бар?

— Бар, бар. Хорошая душица. Все соседи ко мне бегут, просят.

— Мед бар?

— Бар, бар. Ты, доктор, умный, как соседка Баллыбанат,— матушка ласково хлопает врача по спине.— Сам простудишься — приезжай! Сноха баню истопит, я за тобой мальца пришлю,— она кивает на Ишмурзу.

И в душу Ишмурзы западает обида. Какой же он малец, когда по городу раскатывает рядом с автомобилями?!

С башкирского перевел Ильгиз КАРИМОВ.

Рассказ

Валентина ДОРОШЕНКО

Везучая

Как-то уж так получилось, что в жизни мне везло. Все мне почему-то удавалось. Сама не знаю почему. Но раз удается, значит, так и надо. Значит, я избранница...

И на этот раз тоже все, казалось, пойдет как надо. Во-первых, удалось получить прекрасный праздничный заказ. Позвонила знакомая и предложила, у нее у самой оказалось два. Во-вторых, праздники приходились на рабочие дни, а не на субботу и воскресенье. В-третьих, обещали выдать премию, если не слишком бессовестно нарушим график и сдадим проект хотя бы в следующем квартале. А это уже стимул. «Материальное стимулирование — движущий фактор проекта»,— как говорят в нашем КБ. И, наконец, муж обещал уехать на праздники в командировку, а значит, можно не готовить. Это, разумеется, не главное преимущество наступающих праздников, но весьма существенное. А о еде позаботится подруга Нина: я уже пригласила себя к ней в гости. Нине обещали достать отечественную курицу, которую совсем не надо чистить. Станислав Николаевич, сказала она, тоже будет, как всегда. И наконец шеф сообщил, что ошибка, допущенная мною при расчете моста, оказалась в пределах допустимой. Поэтому меня не лишат тринадцатой зарплаты.

Короче, жизнь — не такая уж плохая штука. Я твердо решила этим воспользоваться: праздники есть праздники. Не чувствуют это лишь очень скучные люди. А еще работники службы быта: вместо того, чтобы вместе со всеми праздновать, они вынуждены нас обслуживать. В этом я убедилась, когда в пятницу после работы зашла сделать маникюр. Сама, конечно, виновата: все нормальные женщины успевают это делать во время работы. Но тогда мне было некогда: в ГУМе давали австрийские сапоги, и я должна была через каждый час бегать отмечаться.

Передо мной оказалось три женщины: первая сидела в сушке, вторая — дома, ждала звонка от маникюрши, третья ушла в магазин. «Мне тоже надо отойти в книжный,— сказала я той, что сидела под колпаком.— Предупредите, пожалуйста, что я стою»,— попросила ее. И мастера тоже попросила.

В книжном, как я заметила на пути сюда, давали отрывные календари. Тоже везение. Не всегда ж дают календари. Не каждый день. Встала в очередь. Удача и тут упорно преследовала меня: предпоследний достался. А вот когда вернулась в парикмахерскую, тут-то все и началось: меня не признавали. Вернее, не признавала та, которая должна быть за мной.

— Я вас не видела,— заявила она.

— Я вас тоже,— ответила я ей,— и не считаю, что много от этого потеряла.

— Ваше мнение меня не интересует. Я вас просто не пущу.

Я посмотрела на говорившую: возраст, что называется, выше среднего, телосложение — соответственное. В секцию она, разумеется, не ходит. Одним словом, ни моей воли, ни моей фигуры.

— Интересно, как вам удастся не пустить? — поинтересовалась я.

— А уж так уж. Надо было дождаться последнего.

— Мало ли что надо! — вполне логично ответила я ей.— Если бы все делали только то, что надо, у нас давно было бы то, что надо.— И я решительно направилась к входу в женский зал.

Женщина ринулась следом и попыталась меня обойти. Но ей это не удалось: это не многим удается.

— Ну и молодежь сегодня пошла: нахальством берут,— сказала она нарочно громко, чтобы было слышно и в соседнем, мужском зале.— Наглостью! — заключила она еще громче, упорно протискивая свое плечо между мною и косяком двери.— Кто вас видел? Вас никто не видел: вот спросите женщину, которая делает маникюр: видела она вас? Женщина,— обратилась она к той, что со счастливым лицом уже держала руки в миске с мыльной водой,— вы видели эту женщину? Нет? Вот видите — нет. Никто вас тут не видел, так что уйдите с дороги.

— Эта женщина сама гуляла по магазинам, когда я спрашивала последнюю. Так что она не могла меня видеть. Вы ведь гуляли?

— А вам какое дело? — огрызнулась та.

Чувство несправедливости сжало горло и не давало мне четко изложить всю цепочку фактов: я ведь тоже занимала очередь за теми, кого в наличии не было. И не стала ни возмущаться, ни протестовать. Ушли — значит, им надо. Я их вполне понимаю. потому что самой тоже надо было. А вот эта мымра ничего понять не хочет. И самое обидное, что я пришла в легальное, нерабочее время. Иначе можно было бы плюнуть и вернуться к исполнению служебных обязанностей, рассказать в лицах сослуживцам, как было, где и что... А сейчас пути назад нет. Только вперед! И если не я за себя, то кто? Да и как прийти в гости, к праздничному столу, без маникюра? Вот удивится Станислав Николаевич: «Что случилось, Ирина Петровна? Вы сегодня без маникюра?» Разглядит, уверена, даже при свечах. Свечи, зеленый глазок магнитофона в полумраке — сплошной интим. Нинка умеет это «сорганизовать».

—...вас тут никто не видел, никто не видел,— твердила нахалка и все пыталась оттереть меня плечом от дверного проема. Я старательно изображала презрение к ее словам. И вдруг...

— Я ее тут видела. Занимала она очередь,— пропищала какая-то девушка, сидящая на укладку.

Господи, как я обрадовалась:

— Вот видите! Вот видите!

Но женщина-тяжеловес холодно посоветовала той девушке:

— Не лезьте не в свое дело.

А мне пообещала:

— Все равно я вас не пущу. Парикмахерская скоро закрывается, мастер не успеет обслужить нас двоих. Все, точка.

— Да какое вы имеете право приказывать! — кричала я, потому что не кричать уже просто не могла.— Нахалка! Хамка!

— Сама нахалка! Сама хамка! — не уступала та, другая, нажимая на меня своим мощным плечом.

«Господи, как глупо-то все! — подумала я вдруг.— Не хватает еще подраться! И, главное, из-за чего?»

Но эта мысль пронеслась, не задержавшись. Кровь в висках стучала так, словно там компрессор работал. В каком-то яростном остервенении мы толкали друг друга, оттирали, отпихивали. Единой, нерасторжимой человеческой массой заклинили дверной проем.

— Как вам не стыдно! — простонала пожилая женщина.— Вы же взрослые и по виду интеллигентные люди! В войну так из-за хлебных карточек не ругались... Можно и без маникюра обойтись.

— Нельзя,— не согласилась я.— Мне сегодня в гости.

— А мне на концерт,— твердо стояла на своем моя соперница.— Пианист должен иметь идеально чистые ногти.

«Могла бы раньше вспомнить о своем долге»,— зло подумала я.

— Сейчас же прекратите! Не мешайте работать. Ни одну из вас не обслужу! — крикнула маникюрша.

— Не имеете права! — в два голоса воспротивились мы и присмирели. Сели и молча стали ждать. Что-то в маникюрше было такое, с чем не считаться нельзя.

Я украдкой взглянула на свою врагиню: все лицо в красных пятнах, на шее жила бьется. «Тоже переживает. Вообще-то, если по совести, ее понять можно: терпеливо отстояла, никуда не бегала. Та, последняя, ее не предупредила... Конечно, на ее месте я бы тоже возмущалась. К тому же пожилая женщина, лет сорок, наверно. А в школе нас же учили, учили: уважать старость.

А ведь она пианистка, а пальцы у нее дрожат. Целый день, небось, колготилась, а вечером на концерт. И у нее, конечно, есть дети, а им надо и приготовить, и уроки проверить, и убрать, и постирать — вон кожа какая морщинистая... А мне всего двадцать пять, и ни одной морщинки. А дети еще только будут. Если мы с Виктором все-таки решим...

Вот встану и уйду. Без маникюра. Буду идти по улице и гордиться собой. Что вот презрела. Оказалась выше, совестливее. И плевать, что с ненакрашенными ногтями. Плевать, что скажет Станислав Николаевич. Какое мне в конце концов дело до него и до его дежурных комплиментов? И вообще все надоело — и эти свечи, и этот интим, и эти лица. Все, все...

Вот приедет Виктор, и я ему скажу: «Все, хватит! Надоело! Какие мы эгоисты! Хочу по-другому. Хочу от тебя ребенка. Хочу возить его в коляске, хочу пеленать его в белые простыни с кружевами, покупать для него мягкие байковые ползунки в «Малыше». Хочу воспитать из нашего Виктора Викторовича настоящего человека. Или Виктории Викторовны — тоже звучит, правда?»

Все это скажу мужу, как только он приедет. Впрочем, зачем так долго ждать. Лучше позвоню ему по телефону. Где здесь ближайший автомат? Мне нужно срочно, очень срочно. Сейчас, именно сейчас, всенепременно...»

Но на самом деле я выждала, сколько положено, и добилась желаемого. И потом в гостях ела курицу — с накрашенными ногтями. Нина зажарила ее в духовке, а получилось, как на гриле: сочная, румяная, мягкая.

И вообще все было хорошо. Горели, слёгка чадя, свечи, мигал зеленый глазок «мага». И Станислав Николаевич сказал:

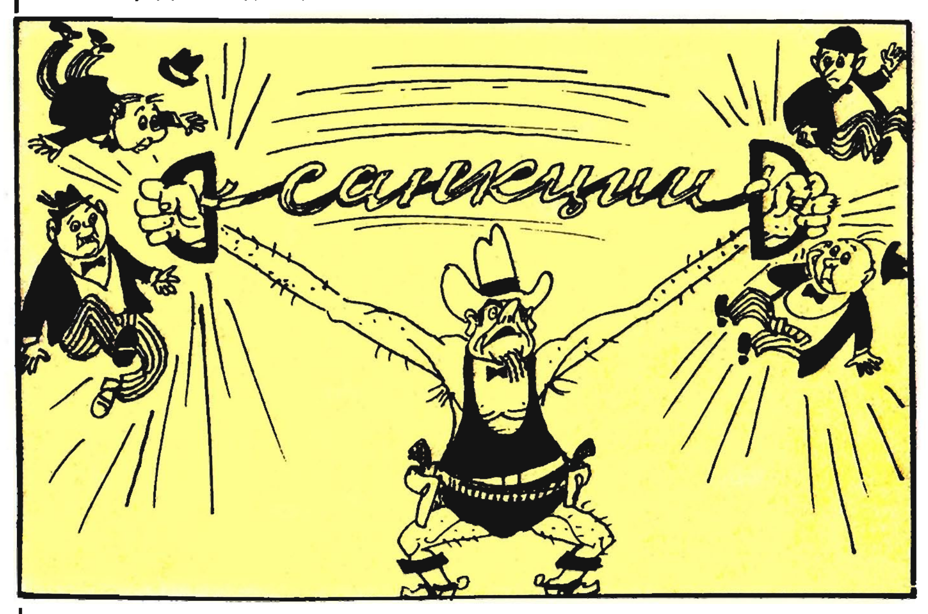
— Вы сегодня прекрасно выглядите! Как вам это всегда удается? А вот моей жене почему-то не удается...— И, целуя после очередного танца мою руку, отметил:— Какой оригинальный лак!

Всё как всегда.

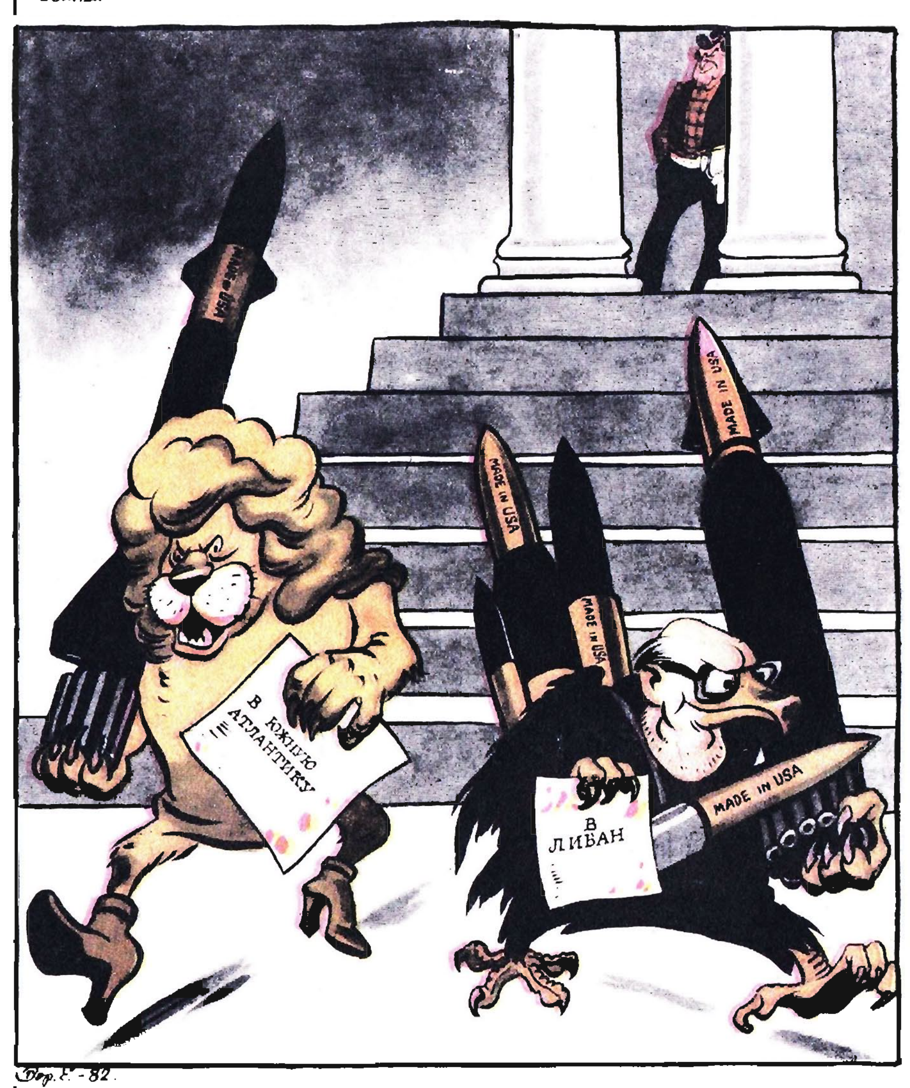
КРОКОДИЛЬСКИМ ВЗГЛЯДОМ

Разжигаемая Вашингтоном торгово-экономическая война против Советского Союза наносит ущерб западноевропейским союзникам США.

СИЛОВОЙ ПРИЕМ. Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Белый дом оказывает военную помощь своим союзникам, ведущим захватнические войны.

ИЗ ПОДЪЕЗДА БЕЛОГО ДОМА. Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Медики насчитали несколько сотен аллергенов, зловредных частичек, вызывающих у чувствительных натур чиханье, насморк, крапивницу и прочие малоприятные реакции. Причем каждому свое. Одного повергает в шквальный чих цветочная пыльца, другой несчастный исступленно чешется от запаха масляной краски...

А тут еще появились слова-аллергены. Скажем, на квартирантов некоторых домов в Вашингтоне совсем невинное, казалось бы, слово «разрядка» действует так, что просто смотреть страшно. Приступ удушья, конвульсии, глаза наливаются кровью, пальцы, сведенные судорогой, сжимаются в кулаки. Ужас!

А недавно в слова-аллергены попало еще одно, тоже вроде бы вполне добропорядочное слово — «доказательство».

Обнаружилось это, когда министр обороны США Каспар Уайнбергер стал говорить о «ядерном превосходстве Советского Союза».

Дотошные корреспонденты давай кричать из зала:

— А доказательства? Где доказательства?

Едва государственный секретарь США начал говорить о «советском международном терроризме», журналисты опять за свое:

— Приведите доказательства!

И что же в ответ? Чисто аллергическая реакция: хватанье воздуха ртом, отрыв с треском верхней пуговки сорочки, пароксизмы, зубовный скрежет и — ни слова.

Конечно, так долго продолжаться не могло. Нужно было срочно найти противоядие, чтобы не подвергать опасности драгоценное здоровье руководящих лиц.

И нашли! Надо прижать палец к губам (предварительно мыть палец необязательно) и сказать: «Тсс! Секрет». И аллергию как рукой снимает.

Например, на требование: «Приведите доказательства!» — представитель госдепартамента Дин Фишер теперь отвечает: «Администрация не будет разглашать секретные разведданные».

А Каспар Уайнбергер нынче спокойненько разводит руками:

— Факты? Увы, факты «слишком щекотливы, чтобы предать их гласности».

Как видим, старинный трогательно-наивный обычай подкреплять обвинения фактами или, того смешнее, вещественными доказательствами себя изжил.

Лишний раз это подтвердила весьма печальная история, приключившаяся с американским послом в Сальвадоре Хинтоном. Действуя по старинке, он собрал в посольстве пресс-конференцию и объявил, что сейчас предъявит факты о советском вмешательстве в Сальвадоре. И не какое-нибудь хлипкое свидетельство неведомого очевидца, а полнокровное вещественное доказательство. Можно подержать его в руках, попробовать на зуб, обнюхать и даже лизнуть, если желаете. Два года искали!

После такого вступления присутствующие могли ожидать, что посол по меньшей мере представит советский танк под кубинским флагом и никарагуанский экипаж при нем. Танкисты, естественно, тут же начнут наперебой признаваться, цитируя в покаяниях лучшие страницы из «Белой книги» ЦРУ о советском международном терроризме.

Увы, танка посмотреть не удалось, но доказательство все же было.

— Вот оно! — указал Хинтон на стол и поднял с него непонятный предмет.— Это советский взрыватель!

Никто не ахнул и не выбежал вон из зала — скорее к телефону! Все молча рассматривали плод двухлетних поисков. Он и в самом деле мог быть взрывателем.

Но кто-то уж очень въедливый поинтересовался, чем посол докажет, что взрыватель изготовлен именно русскими. И тут обнаружилось, что Хинтон не может доказать его советского происхождения.

Что и говорить, неприятная история! А будь у Хинтона секретные данные — глядишь, все бы и обошлось. Собрал бы журналистов и заявил, что опять видел «руку Москвы», а когда и где — тсс! — государственная тайна. Все спокойно, убедительно, и никаких вопросов. Какие уж тут вопросы, если — тсс, госсекрет. Можно безбоязненно проводить любую пресс-конференцию.

Преимущества нового подхода настолько очевидны, что удивительно, почему он до сих пор не распространен на внутреннюю политику.

К примеру, на основе не подлежащих разглашению сведений можно заявить, что десять миллионов американцев только с виду посещают биржи труда, а в действительности незаметно для себя каждый день ходят на работу. Что хотя сам президент предупредил об очередном сокращении расходов на социальные нужды, подспудно они, наоборот, возрастут. Пусть это будет сюрпризом для тех, кто уже остался без пособий. Сославшись на секретные данные, можно сообщить о хорошо закамуфлированном искоренении нищеты и расовой дискриминации, а также тайном прекращении явной слежки за инакомыслящими.

Но, видимо, пока Пентагон и госдепартамент больше никому не позволяют припасть к живительному роднику сверхсекретной информации. Впрочем, мы можем подсказать, откуда она берется, эта информация. Все из того же до стерильной чистоты обсосанного пальца. Только теперь его засекретили.

В. ГОРБАЧЕВ.

Полиция Южно-Африканской Республики уничтожает в своих застенках не только чернокожих, но и белых противников расистского режима.

— Теперь никто не скажет, что мы делаем различие между черными и белыми...

Рисунок В. МОЧАЛОВА

Дорогая редакция! Вы даже не можете представить, что творится в нашем зоопарке. В каком состоянии находятся там бедные животные, какая грязь!

Разве можно держать живые существа в таких позорных, неподходящих нашему городу условиях, в течение стольких лет?

С уважением, ученица IX класса
Сихарулидзе Марина.
г. Т...

По вашим заказам

Р. ДЖАЛАГАНИЯ,
специальный корреспондент Крокодила

ВСТРОЕННЫЙ БЕГЕМОТ

Белым днем, при ясной погоде в Тбилисском зоопарке произошли метания публики и хоровые крики: «Держи!»

Павианчик с чрезвычайно осмысленными глазами, поджарый и дерзкий, уперся конечностью, отвалил угол клетки и кинулся в побег. Служители и сочувствующие, подбодряя друг друга криками, пустились в погоню.

Животных зоопарка, конечно, тоже взволновало это событие, но только внутренне. Ибо далеко не дураками были животные Тбилисского зоопарка, чтобы волноваться двигательно. Бурый медведь принимал погоню исключительно на слух, львы следили за ней лежа, косяя желтыми прищуренными глазами, волки же определяли положение дел обонятельно.

Причина была простая: бросься, допустим, медведь воочию увидеть событие — и не увидел бы, поскольку в потемках вольеры давно сгубил зрение. Опять же сделай медведь резкое движение лапами — всколыхнется жижа, затопившая пол, поскольку под полом нет дренажа.

И умницы львы не зря лежа наблюдали отлов павианчика. Это древние римляне говорили: «По когтям узнается лев». Но тбилисских львов узнали бы римляне не по когтям, а разве что по крупнокалиберным блохам. Так как львиные когти, вросши в трухлявый пол клеток, были сокрыты от взоров и словно бы приковывали львов к полу.

А тем временем мимо бегемота промчалась погоня, сшибая таблички, на которых значилось, что зоопарки вообще, и тбилисский в частности,— очаги массовой зрелищности, а также плацдармы изучения живых существ, форпосты акклиматизации и бастионы воспроизводства как редких, так и исчезающих видов животных, и именно в зоопарках были спасены от вымирания зубр, лошади Пржевальского, гавайская казарка и многие прочие.

Да, мимо бегемота промчалась погоня и мимо слоновника, но мудрые бегемот и слон поопаслись проявить интерес к событию. Потому что так утеснили их прогулочной площадью, что чуть шевельнись — и наравне с павианчиком окажешься в положении беглеца. Но павианчика излавливают мягкой сеткой или всего-то пытаясь прищемить ему хвост ботинком, а бегемоту придется пострадать при поимке от железного крюка или обездвиживающей пули. Посему лучше стоять без движения, ибо шаг влево, равно как и шаг вправо, может оказаться побегом.

Да, не было Маугли в тот день среди забывших про мороженое и прохладительную воду «Тархун» посетителей. Вслушиваясь в звериные вои, визги и пришепетывания, перевел бы Маугли людям речи их меньших братьев.

Бедственные то были речи.

Так, например, безоаровый козел бился лбом о стену и кричал, что его бы и сохранять и размножать в зоопарке, но черта с два тут размножишься, если последнее строительство — загон для туров — относится аж к 1933 году.

Два мандрила, переговариваясь с гиббоном, печально толковали о том, что если зоопарковые дела и дальше пойдут в том же духе, тбилисские театры смогут поставить спектакли не только о витязе в тигровой шкуре, но и о витязях в любых других шкурах, так как при сложившейся жизни зверям остается одно: в сжатые сроки испустить дух.

И тут наконец пойман был павианчик и под белые лапы препровожден в клетушку. Долго его и ловить не пришлось, потому что декретом 1927 года зоопарку было отмерено семьдесят гектаров земли, а к нынешнему дню зоопарк утеснили до тридцати.

В двадцать седьмом году, полусытые, полуобутые, нарезая удел зоопарку, думали новые хозяева жизни: достаточно земли мы отвели благородной просветительской организации и место выбрали очень приглядное — долина реки Веры, а естественный рельеф так и ласкает глаз.

Вот уж правда: так и ласкает, так и ласкает. И сперва зоопарковский ландшафт приглянулся людям радио и телевидения, которые и воздвигли на отторгнутых у зверей землях свой широковещательный комплекс. А потом кооперативы — здесь тоже люди с пониманием красоты ландшафта — бросились отхватывать от территории зоопарка кусок за куском. И теплостанция урвала свой кус, и молодые художники под мастерские. И сейчас вообще без ограды стоит зоопарк, соблазняя организации разной степени могущества и пробивной силы к новым захватам его владений, отчего на все больше сжимающейся территории морской лев вынужден перевоплощаться в морского зайца, а морской заяц — в портативного морского ежа.

Граждане, любители природы, администрация зоопарка, конечно, осаждают тбилисский горисполком: уважаемые товарищи, ведь не звери же должны зализывать раны, причиняемые зоопарку!

Ясное дело, соглашается исполком, не звери. И, регулярно собираясь на заседания, исполком выносит решения: тресту «Инжстрой», ремстройтресту, «Тбилводоканалу», управлению электрохозяйства, управлению благоустройства безотлагательно заняться зоопарком!

Но все как-то вяло названные исполнители бросаются исполнять. Зато страшная активность царит в стане архитекторов и проектантов, до того накаляя ткань трением о чертежный ватман, что аж дымятся обшлага: архитекторы обмозговывают кооперативы с привязкой к территории зоопарка.

А может быть, уважаемые любители природы, в этом нет ничего плохого, не говоря уже о трагичном? Ведь есть, скажем, встроенная мебель. Тогда почему бы не встроить в кооперативный дом бегемота?

г. Тбилиси.

— Какая прекрасная здесь столовая, все нам достается!

Рисунок В. МОХОВА.

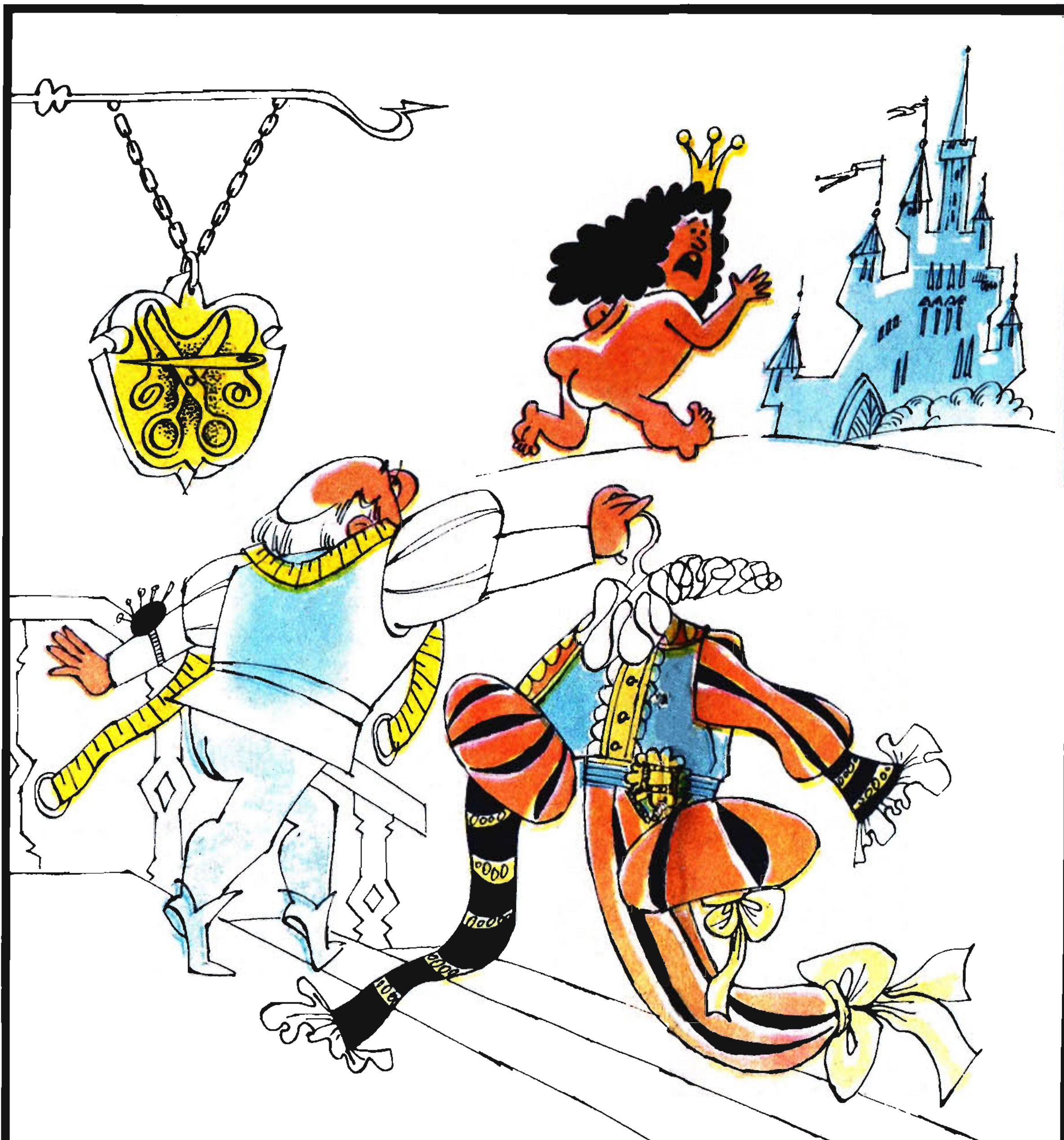
— Когда почистим, выяснится, какой она породы!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ.

— Иванушка! Умоляю, забери меня отсюда—туристы бутылками забросали!

— Нет, нет! Я лучше голым ходить буду!

Рисунок С. ИЛЬИНОЙ.

— Нет худа без добра! Это мать приехала, зато сколько продуктов привезла!

Рисунок Г. ИОРША.

У САМОГО СИНЕГО МОРЯ

Ранним утром подошел я к берегу подышать парным морем. И вдруг слышу дробный стук, доносящийся из-под опрокинутой лодки. Приподнял край этой ладьи и вижу: лежит, свернувшись калачиком, некто тощий, небритый и зябко стучит зубами.

— Бездомный, что ли? — спрашиваю.

Небритый оскорбился. Оказывается, имеет благоустроенную квартиру из нескольких комнат. А я ему чуть было не отдал последний пятак, припасенный на обратный троллейбус.

— Чего же дома не спится?

— Э-эх! — отчаянно махнул рукой.— Да живут там отдыхающие.

Оказывается, квартира у самого синего моря была для него все равно, что дойная корова. Даже лучше. Потому что не нужно было заготавливать на зиму корм. Только дои и дои. Чем плотнее стоят койки, тем больше полезной площади. Чем больше полезной площади, тем больше «надоя».

«Подлодочник» этот доил, по его же словам, одновременно по двенадцать отдыхающих. Брал с каждого носа два рубля в день. В месяц, стало быть, семьсот двадцать рублей. Как тут усидишь дома?!

Поняв, что имею дело не с одичалым отшельником, я отчалил от лодки. Потом вдруг меня осенило. А ведь, думаю, и я мог бы забронировать у него на будущий год койко-место. Прибежал обратно — под лодкой уже никого не было. Как же, думаю, мне его теперь найти в Алуште?

Может, это был А. Фролов из Рыбачьего, что под городом? Он, говорили, тоже сдавал отдыхающим дом из пяти комнат. Только вряд ли он стал бы спать под старой лодкой. У него, кроме дома, был во дворе еще сарай-времянка, где и жила вся его дружная семья. А может, это был В. Покалюк, который и сарай свой сдавал отдыхающим, но, как выяснилось, ютился в это время с семьей в общежитии. Лодка, стало быть, отпадает. Тогда кто же был тот случайный незнакомец? Неужели гр. Анохин? А что? Где-то ведь он должен был жить. Квартиру всю без остатка сдавал отдыхающим, сарая не имел, в общежитиях не проживал. А пускал тоже по двенадцать человек одновременно и брал опять же по два целковых с носа.

Как узнал я, этот Анохин не желал тратиться даже на лишний ключ для своих квартирантов. На всю разношерстную дюжину у них был один открыватель замка. Сначала жильцы пробовали ходить все вместе строем. Но это оказалось очень неудобно. Кто-то любит жариться на песке, кто-то лазить по горам. Стали для удобства ключ прятать в ящике для электросчетчика. Но тайна, которую знают двое,— уже не тайна. А если ее знают шесть раз по столько — это уже притча во языцех. Поэтому очень скоро некий местный лоботряс В. Воронюк завладел ключом из «тайника», проник в квартиру и украл у обитателей спрятанные наличные.

Разумеется, речь идет не о всех местных жителях, дающих желанный приют беспутевочникам и бескурсовочникам. Разговор — уже не впервые — ведется о беззастенчивых хапугах, алчных и прижимистых, делающих свой маленький (впрочем, не такой уж и маленький!) бизнес на «диких» отдыхающих.

И еще о том, что городские власти через квартирные бюро очень нерешительно осуществляют контроль над тем, как складываются финансовые взаимоотношения между хозяевами и квартирантами.

Что касается меня, я сначала разведаю, кто есть кто. А уж потом постараюсь не попасть к хапуге — противно. Да и вряд ли я усну на арендованном койко-месте, если буду знать, что сам хозяин в это время стучит зубами под дырявой лодкой.

Р. ГАЛИЕВ,
г. Алушта.

Михаил РАСКАТОВ, Сергей РЕВЗИН

МОНОЛОГИ ВДОЛЬ ДОРОГИ

МОНОЛОГ ПЕДАЛИ УПРАВЛЕНИЯ ДРОССЕЛЕМ (автомашины лихача)

Когда летит машина вдаль —
УАЗ ли, ВАЗ ли, ЗИЛ,—
Я, бессловесная педаль,
Газую что есть сил.
Мой повелитель — это вы,
Который всем знаком,
И потому-то я, увы,
У вас под сапогом.
А вы, судьбу свою дразня,
С законом на ножах,
Бездумно давите меня
На разных виражах.
Буквально претесь на рожон,
Жизнь бросив на весы,—
Моторизованный пижон
Дорожной полосы!
С женой летите и с детьми,
И вас не удержать,
Как будто дьявол шепчет: «Жми!»
А вы и рады, черт возьми,
На всю катушку жать!
За вами нужен глаз да глаз,
Скажу вам не тая.
А вам лишь нужен газ да газ,
А значит — только я...
Я знаю, вам меня не жаль,
А рядом — бросьте взгляд —
Прекрасно выглядит педаль,
Которой тормозят.
И, если вдруг придет беда,
Не я тому виной...
И вы, мой милый, никогда
Не встретитесь со мной.

МОНОЛОГ СЛЕЗЛИВОГО ВОДИТЕЛЯ

Товарищ инспектор, простите, не мне ли
Вы посвятили призывные трели?..
Я рад вас послушать и пользу извлечь...
М-да, служба у вас — ни присесть, ни прилечь!..
Я сам утомился, скажу вам по чести.
Пощупайте пульс — он, как минимум, двести.
И что-то в боку беспрерывно зудит —
Боюсь, обостряется радикулит.
Сиденье-то мягкое, но не перина.
Я принял таблетку амидопирина,
А колет все так же — хоть ной, хоть не ной...
Да, да, перед вами тяжелый больной.
И спазмы желудка и спазмы сосудов —
За это, наверное, строго не судят...
И сердце сжимает такая тоска,
Что часто я даже не слышу свистка...
Теперь рассудите проблему иную.
Вот еду и вижу в трамвае жену я!
На газ нажимаю, поскольку жена,
Как я понимаю, отнюдь не одна!
Кричу ей, естественно, глаз не спуская:
— Ты с кем это едешь, такая-сякая?!
Мужская слеза застилает глаза —
Какие уж могут здесь быть тормоза?
Подобная встреча инфарктом чревата,
Поступком жены я не зря возмущен —
Ведь только она лишь одна виновата,
Что здесь — вот те раз! — поворот запрещен!
...Товарищ инспектор, хоть каплю пощады!
В дальнейшем — ни-ни, на капоте клянусь!
Товарищ инспектор, да я, если надо,
На этой неделе с женой разведусь!
Не нужно мне больше жены и семьи,
Любила б меня дорогая ГАИ!

МОНОЛОГ ВОДИТЕЛЯ ГАМЛЕТОВА (на пути к регулируемому перекрестку)

Жить иль не жить, вот в чем вопрос. Достойно ль
Терпеть без возражений красный свет
И, напрягаясь, правила движенья
Тоскливо вспоминать и выполнять,
Или погибнуть? Умереть. Забыться.
И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и стольких нарушений
Тех самых правил... Это ли не цель?..
Вонзиться в столб, а лучше — в самосвал
С Полонием и дядей-негодяем?..
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда твой экипаж, твою машину,
Для коей ты копил рубли в сберкассе
На срочном вкладе (три процента в год!),
Везут в металлолом, а вместе с ней —
И все твои надежды на рыбалку?..
Не лучше ль постоять у светофора,
Не ехать на невинных пешеходов,
Притормозить... Но поздно... О милорд!
Вот вам права́, щадить меня не нужно!
Всего один удар по техталону...
Какое попадание! Какая
Точнейшая просечка, словно шпагой!..
Жить иль не жить? Вопроса больше нет.
Конечно, жить и, несомненно, ехать
По правилам дорожного движенья
Сегодня же, сейчас же — за плотвой!

Рисунок Е. ШИПИЦОВОЙ.

— Как только мы повесили эту табличку, пешеходы сразу же стали пользоваться переходом!

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

Як. ЗИСКИНД

Из мемуаров автолюбителя

Люди на колесах

За абсолютную достоверность эпизодов, которые я намерен вам предложить, отвечаю.

Прославленный полярный летчик Илья Павлович Мазурук торопился на заседание Верховного Совета. Его черная сверкающая «Волга» ловко обгоняла идущие впереди машины и, чего греха таить, иногда выезжала за осевую линию, что является грубым нарушением мудрых правил уличного движения.

На одном из перекрестков прозвучала резкая трель милицейского свистка, и рослый лейтенант направился к машине Мазурука.

Мазурук был в белоснежном парадном кителе с золотыми генеральскими погонами, на груди, под звездой Героя Советского Союза и флажком депутата Верховного Совета, сверкали многочисленные ордена и медали, сияла золотым шитьем и его белоснежная фуражка.

Лейтенант окинул быстрым взглядом блистательного генерала, укоризненно покачал головой и сказал с горечью:

— Смотреть противно, как вы ездите, товарищ генерал! Проезжайте.

Добрую минуту Мазурук не мог тронуться с места... Подумать только: свыше тридцати лет он водит машину, за все годы ни единого нарушения!.. Да и налетал многие тысячи километров, и — на́ тебе! — «смотреть противно, как вы ездите!». Уж лучше б оштрафовал или забрал права!..

— Такого психологического урока я не получал за всю свою жизнь,— признается Мазурук.— С тех пор уже много лет, если я хочу кого-нибудь обогнать вопреки правилам или проскочить на красный свет, я слышу голос лейтенанта: «Смотреть противно, как вы ездите, товарищ генерал!»

Давным-давно, когда я садился в машину у ворот нашего дома, меня окликнул писатель-сатирик Григорий Ефимович Рыклин.

— Вы куда едете?

— В центр.

— Подвезете?

— С удовольствием! Но учтите, я в первый раз за рулем и никогда еще не возил пассажиров! — мужественно признался я.

— Ничего, голубчик! — усмехнулся Рыклин.— Я много лет редактировал «Крокодил», так что рисковал жизнью неоднократно и, как видите, жив... Попробую еще раз.

Я отвез Григория Ефимовича в центр и с тех пор горжусь, что он был моим первым пассажиром без страха и упрека.

Аркадий Райкин — отличный и очень осторожный водитель. Сидя за рулем, сосредоточенно молчит, не отвлекаясь посторонними разговорами.

И надо же! Однажды мы возвращались с «Мосфильма», о чем-то поспорили, и Райкин «проскочил» светофор при красном свете. Разумеется, тут же прозвучала переливистая милицейская трель и к машине направился лейтенант.

Следует заметить, что на машине был не московский, а ленинградский номер.

Райкин обреченно втянул голову в плечи, а приближающийся лейтенант произнес три фразы, состоящие из пятнадцати слов. Произнес он их без единой паузы и без единого знака препинания. Как телеграмму.

— Вы что же это гражданин приехали из Ленинграда правила нарушать здрасьте товарищ Райкин проезжайте пожалуйста!

Признаюсь: никогда, ни в жизни, ни в театре, я не слышал такого лаконичного и яркого монолога, как этот! Гнев, возмущение, ирония, узнавание, радость, уважение, любовь и великодушие выплеснулись в пятнадцати словах!

Райкина так поразил этот прекрасный монолог, что он целый вечер повторял его, добиваясь естественной выразительности регулировщика движения у Киевского вокзала.

Нет, не зря говорится: искусство — это жизнь!

Много лет назад я с новехонькими, накануне полученными правами автовождения выехал из дому. Был отчаянный гололед. Я подъехал к перекрестку и хотел повернуть вправо. Я выжал сцепление (чего при гололеде делать нельзя!), и моя машина легко и элегантно развернулась, но не на девяносто градусов, а на триста шестьдесят!

Естественно, я так растерялся, что даже не успел испугаться. Я взглянул на старшину милиции, регулирующего движение. Он изумленно пожал плечами, потом развел руками и подошел ко мне.

Я тоскливо молчал.

— Так! — сказал он.— Ваши права!

Я протянул права. Он долго их изучал, потом вздохнул:

— Да... И права у вас новые, и машина новая. И сами побьетесь, и других побьете. Нехорошо...

Я согласился и с тоской смотрел на старшину.

— Права вчера получили? — спросил он.

— Вчера...

— Живете в этом доме? — кивнул он в сторону моего дома.

— Да,— подтвердил я.

— Ясно.— Он протянул мне права:— Значит так, Яков Маркович, для первого раза не буду вам портить новые права. Но имейте в виду, буду следить! Договорились?

— Конечно! — с восторгом сказал я и поблагодарил доброго старшину.

На следующий день снова был гололед, и я снова поворачивал на том же перекрестке. Поворачивал осторожно и аккуратно, словно полз на четвереньках.

И вдруг снова прозвучал милицейский свисток, и ко мне направился уже знакомый старшина.

Я замер. А старшина подошел к моей машине и улыбнулся:

— Вот сегодня, Яков Маркович, вы отлично развернулись! Всегда так делайте! — И он широким жестом «открыл» мне улицу.

— Спасибо за внимание,— от души сказал я хозяину перекрестка.

Эти же слова я адресую всем работникам ГАИ, без которых жизнь в современном городе была бы просто невозможной.

ЛАКОНИЗМЫ

Михаил ВОЛОВИК, г. Уфа.

ЛЮБЯЩЕМУ ССЫЛАТЬСЯ НА «ЕСЛИ БЫ»

Из «бы»
Не выстроить избы.

О КУКУШОНКЕ

Чтоб самому в гнезде уютном выжить,
Готов он всех оттуда выжить!

МЕНЬШЕ?

Мне умники твердят:
— Все меньше дураков,
и вид исчезнет весь —
его науки скосят!
Но я не в ужасе,
мой вывод не таков:
их в Книгу Красную,
пока что не заносят!

РВАЧ:

— Зачем мне вкалывать?
Я человек простой,
Коль мне работать лень —
платите за простой!

ТВЕРДОЛОБЫМ ЧИНУШАМ

Нет! Голове не надо лба,
Коль лоб всего лишь надолба!

УГОДНИКАМ

Хоть ты угодник и прислужник,
Но нужный человек
или, точнее,— нужник.

НЕ ОБОЙДЕШЬ...

Для дела Чин не стал необходимым,
И все ж его не обойдешь —
Он стал не обходимым!

НАПОМИНАНИЕ ДРАЧУНАМ

Многоголов был сказочный дракон,
Но все их растерял
во множестве драк он!

БЕСПРИНЦИПНОМУ

Ты что, забыл,
Что сам «за» был?

ФОМА НЕВЕРУЮЩИЙ

— Грех не велик снять червячка
С крючка!
Не верю в ад горячей сковородки! —
Твердил Карась,
вертясь у днища лодки...
Но не минул он кары сей,
Как сонмы прочих карасей.

ХВАСТЛИВОМУ МЕМУАРИСТУ

Это были или небыли?
Они были или не были?

ПОДХАЛИМ

Перед начальством гнется он,
боится в рост расправиться:
Уверен, что начальство с ним
за это вмиг расправится!

ЭПИТАФИЯ ЛЕНТЯЮ

Он умер, хоть и жил,
Не напрягая жил.

КАЮЩИЙСЯ ЖУЛИК

Плут, попавшись, терзался:
Для чего подло жил?
Сам себе лет на десять
Я свинью подложил!

Оформление Л. НАСЫРОВА.

«Получить в расчете на 100 коров по 85 поросят».

Газета «Кабардино-Балкарская правда».

«Плохо парню одному, без коллектива. Он подобен человеку, стоящему на одной ноге. Чуть что пошатнет — и упал. Сколько раз мы толковали ему: Виктор, встань второй ногой на коллектив».

(Из выступления на собрании).
Прислала Л. Зорина, г. Иваново.

«Во время пребывания в больнице больной объяснялся с медперсоналом только жалобами».

(Из докладной).

«Из-за нерадивости некоторых учеников я не могу начать новую тему по рисованию и уже второй месяц держу весь класс на цветочных горшках».

(Из выступления учителя рисования).
Прислал Б. Фельдман, г. Днепропетровск.

«Диагноз предварительный: потертость левой пятки.

Диагноз окончательный: потертость правой пятки».

(Запись в листке нетрудоспособности).
Прислал О. Лебедев, г. Ленинград.

«Сведения о службах стандартизации (надежности) на Егорьевском механическом заводе
Численный состав
2 чел. из них:
0,2 чел. ведет надежность
0,2 чел. « » БТИ
0,3 чел. « » аттестацию
0,6 чел. « » КСУКП
0,7 чел. « » стандартизацию».

Прислала Г. Голенкова, Московская область.

«Владимир Георгиевич.

Приглашаем Вас 14.03.82 г. в 12 час. на сбор щенков и собеседование. Ваша явка обязательна».

(Открытка клуба собаководов).

Прислал В. Корнилов, г. Челябинск.

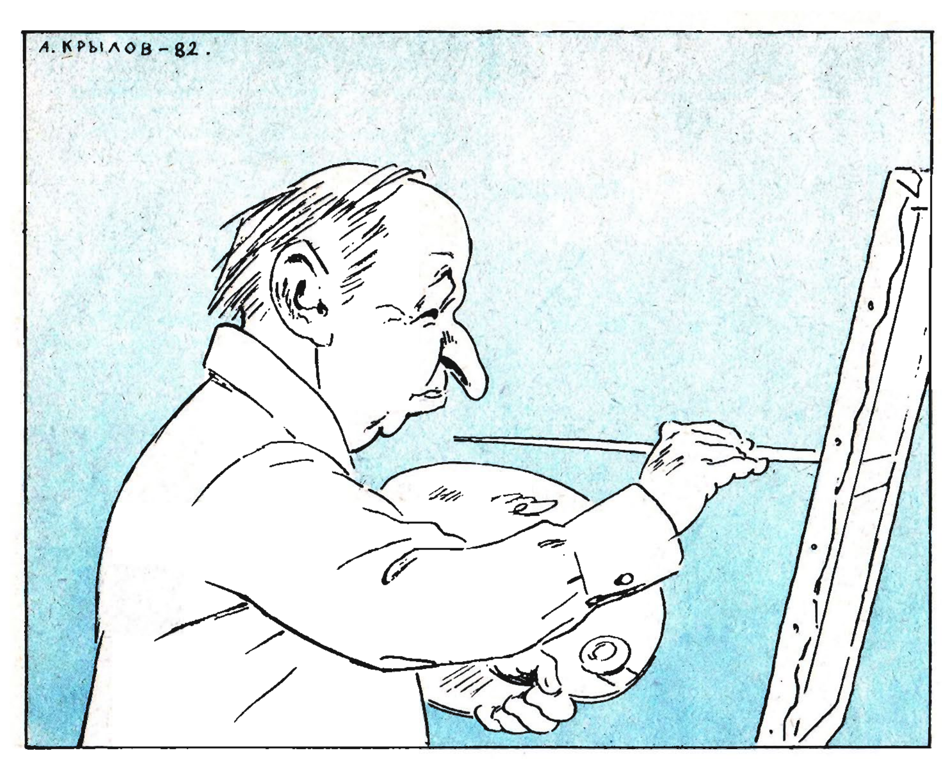
«Возле дома связи находился гражданин в легком опьянении, который приставал к окружающей среде».

(Из рапорта дружинников).
Прислал В. Прокопенко, г. Сумы.

«Зачастую хлопот много с молодежью. Например, еще несовершеннолетней пришла к нам в цех Марина П. Чего только не было — и работа у нее не клеилась, и в дисциплине постоянные срывы... Пришлось много и серьезно работать с девушкой. Марина отлично освоила специальность, теперь она в декретном отпуске».

Многотиражная газета «Прогресс», завод точного машиностроения, г. Новосибирск.

ПОРФИРИЮ НИКИТИЧУ КРЫЛОВУ—80 ЛЕТ

Дружеский шарж А. КРЫЛОВА.

К ВОПРОСУ О НЕРАЗДЕЛЬНОСТИ

Никогда не был я паникером и не имею привычки зря поднимать тревогу.

Вместе с тем вправе ли я промолчать, когда речь идет о тревожном факте, касающемся трех весьма уважаемых и прославленных мастеров советского изобразительного искусства?

Да, я имею в виду Кукрыниксов.

Замечательное творчество этого талантливейшего коллектива, завоевавшее всенародное и всемирное признание, ставшее классикой нашей художественной сатиры, хорошо известно и любимо.

— Так в чем же дело?—спросит озадаченный читатель.—Что же, собственно, вас встревожило?

Объясняю. В свое время А. М. Горький назвал содружество трех художников «единосущной и нераздельной троицей». Меткое и ласковое это определение крепко запомнилось, стало крылатым. Бесчисленные статьи и книги о Кукрыниксах неизменно подчеркивали эту их удивительную и уникальную нераздельность. Нераздельность в творчестве, в эстетических принципах, в идейной и гражданской направленности, в политических взглядах, в художественных позициях, в большом и малом, серьезном и веселом.

Те, кому довелось годами и десятилетиями работать рядом с Кукрыниксами в сатирическом цехе, общаться с ними при различных жизненных ситуациях, вряд ли смогут припомнить хоть один случай расхождения между ними по сколько-нибудь значительному поводу. Вполне возможно, конечно, что в глубине своей мастерской они горячо спорят и энергично полемизируют, но невозможно себе представить, чтобы какое-нибудь обстоятельство всерьез их разделило.

Но вот невозможное совершилось! Нераздельность нарушена...

И я беру на себя смелость прямо и открыто указать на виновника этого нарушения. Это Порфирий Никитич Крылов, иначе говоря, КРЫ. Да, именно он, нарушив неписаный, но незыблемый закон единосущности троицы, не согласовав вопроса с товарищами, не спросясь Куприянова и Соколова, родился на целый год раньше других участников триединого содружества. Тем самым к весьма торжественной и круглой юбилейной дате он приходит самостоятельно и единолично, в явном и откровенном отрыве от коллектива: уже сейчас КРЫ исполняется 80 лет, в то время как КУ и НИКСУ придется дожидаться этого события аж до будущего года. Вот те и нераздельность!

Следует при этом заметить, что подобный неприкрытый индивидуализм П. Н. Крылов упорно проявлял и раньше—и 10, и 20, и 30, и более лет тому назад...

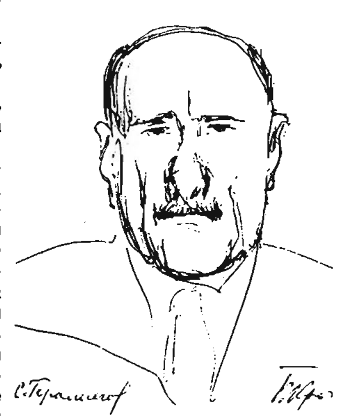
К счастью, сказать по справедливости, подобное самочинное поведение Крылова никаких вредных последствий для дружной и плодотворной работы коллектива не повлекло. Никто не слышал, чтобы старший «кукрыникс» покрикивал на младших или, наоборот, младшие проявляли какое-либо непочтение к старшему.

В этих благоприятных условиях и были созданы всем известные талантливые произведения.

Вот почему, сердечно поздравляя сегодня первым из Кукрыниксов с восьмидесятилетием именно Порфирия Никитича, мы, по сути дела, относим наши приветствия и добрые пожелания ко всей славной троице. И к тому есть веские основания: ведь если дни рождения у Куприянова, Крылова и Соколова не совпадают по числам, то день рождения художника КУКРЫНИКСЫ остается общим, единым и нераздельным. Счастливый день для советского искусства!

Итак, моя тревога оказалась напрасной. Нераздельность сохранена! Ф-фу! С души свалился камень...

Бор. ЕФИМОВ,
народный художник СССР.

Кинорежиссер
Сергей Герасимов.

Певец
Борис
Штоколов.

Пианист Джон Огдон (Великобритания).

КРОКОДИЛИНКИ ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ

Рисунок В. ВЛАДОВА.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

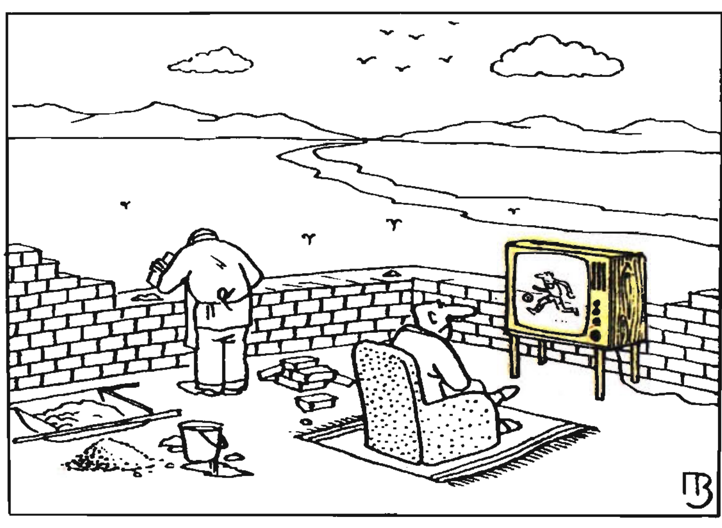
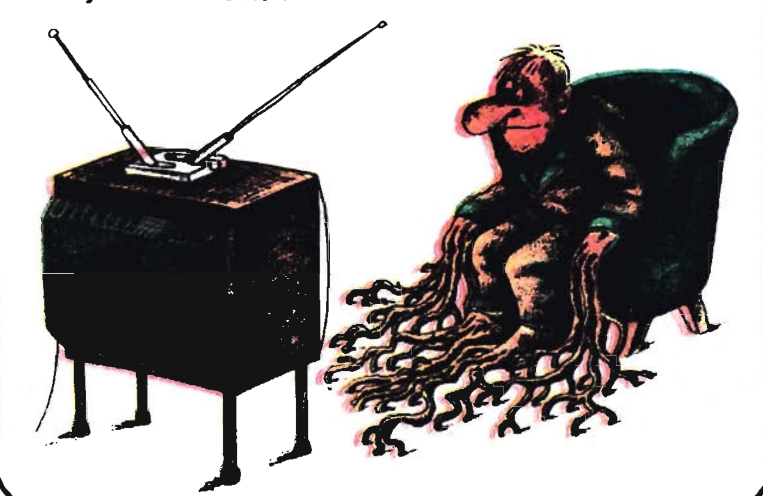

Рисунок В. ПЕСКОВА.

Рисунки Е. МИЛУТКИ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

•

У голливудской актрисы спросили, почему она уволила свою кухарку.

— Не спрашивайте,— вздохнула она.— Готовила она великолепно, но всем рассказывала, что работает у меня уже сорок лет...

•

Преподаватель рассказывал в классе о некоем римлянине, который каждое утро до завтрака трижды переплывал Тибр.

— Что ты находишь в этом смешного? — спросил он, заметив, что один из учеников улыбается.

— Мне кажется, что он должен был переплывать реку и в четвертый раз, чтобы оказаться на том берегу, где он оставлял одежду.

«Дикобраз», Чехословакия.

Ясен АНТОВ
(Болгария)

Групповая фотография у Эйфелевой башни

Сообщили: два человека должны поехать в Париж и ознакомиться там с новой технологией. Два человека — на двадцать дней. Средства на поездку институту отпущены.

Решили: поедут Стоянов и Драганов.

Но кто-то сказал:

— Что ж это получается? Два человека — на двадцать дней. В сумме сорок дней. Если поедут только Стоянов и Драганов, начнутся разговоры, обиды и мы перессоримся.

Нужно беречь единство коллектива. Поэтому появилось мнение: послать в Париж Стоянова, Драганова, Иванова и Петрова на десять дней.

Коллектив прежде всего. Однако кто-то заметил:

— Четыре из сорока? Не знаю, правильно ли это. Одни — в Париж, а коллектив — на месте? Помоему, пусть лучше едут восемь человек на пять дней.

Подумали, и в результате командированных стало восемь: Стоянов, Драганов, Петров, Иванов и еще четверо. Восемь из сорока — разговоров меньше, единство сохраняется.

Но кто-то подсказал:

— Из восьми только Стоянов и Драганов специалисты, остальные шесть, можно сказать, туристы.

Снова пересмотрели вопрос в аспекте возможности поездки десяти человек на четыре дня. Затем еще долго приходили к разным выводам, пока, наконец, не поступили мудро и правильно с точки зрения сохранения единства коллектива: поедут сорок человек на один день.

Так и сделали. Весь институт вместе с уборщицей и шофером выехал в Париж. Сорок человек сфотографировались у Эйфелевой башни. Единство коллектива было сохранено, а сектор культмассовой работы профсоюзной организации отчитался за проведенное мероприятие — коллективное посещение памятника архитектуры в городе Париже.

Перевел А. КРОТКОВ.

Слова, слова...

Иногда полезно посмотреть на вещи чужими глазами, чтобы не испортить свои.

Совет шумерских врачей-окулистов.

Хорошая погода — не оправдание плохому прогнозу.

Из акта ревизии бюро прогнозов погоды в Рейкьявике (Исландия).

Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, что мне нужно достать.

Мечта анонимного эгоиста.

Мало пообещать, надо еще и не сделать.

В. Надфиль, западнобирманский философ.

Бессмертие, конечно, миф, но этот миф бессмертен.

Религиозно-атеистическая шутка.

Дьёрдь МИКЕШ
(Венгрия)

Я НЕ ПОМЕШАЛ?

Я сидел перед телевизором, когда зазвонил телефон. Какой идиот может звонить в такой момент?

— Алло! Это Гёза,— слышу в трубке.

— Привет.

— Я тебе не помешал?

— Нет, нет. Как раз сейчас передают отличный детектив. Но я этим не интересуюсь.

— Вот и хорошо. Что у тебя новенького?

— Только что задушили Эмму.

— Кто это такая?

— Миллионерша. В детективе.

— Значит, все-таки смотришь? Если я тебе мешаю, так и скажи.

— Не мешаешь, чего там. Я даже рад, что ты позвонил, мне эта штука уже надоела. Вот как раз сейчас приканчивают хромую тетушку миллионерши, что на инвалидной коляске. Ну, ту самую, что всыпала яд в какао своей компаньонке.

— Ты как живешь? Все в порядке?

— У меня-то? В порядке. Пока кто-нибудь не насыплет в какао яду.

— Да кто будет сыпать-то?! Ты с ума сошел!

— Я-то нет. А Джон свихнулся. Это который ту самую хромую тетушку...

— Ты разговариваешь со мной или смотришь телевизор? Если я тебе помешал...

— Говорю тебе, не помешал! А у тебя как дела?

— Я уволился с завода. Из-за Ковача.

— Кто это такой?

— Как это кто такой Ковач? Ведь и ты у него работал.

— А на руках были черные перчатки, чтобы не оставлять отпечатков пальцев.

— О ком ты?

— Извини, я тебя не понял. Тут как раз взорвалась инвалидная коляска хромой тетушки.

— Я сказал, что уволился с завода. Из-за этого психа Ковача.

— Думаешь, Джон псих? Помоему...

— Скажи, ты меня вообще слышишь?

— Конечно, слышу.

— Так почему ты называешь Ковача Джоном?

— Я не утверждаю, что Джон — это Ковач... А теперь ты где?

— Перешел в главк.

— По крышам...

— Ну, почему же по крышам? У меня постоянный билет на городской транспорт.

— Это в фильме была такая сцена и...

— Если я тебе мешаю, ты скажи. Я могу положить трубку...

— Не мешаешь, не мешаешь. Совсем наоборот. Мне даже приятно, что я разговаривал с тобой в тот момент, когда какой-то тип в черной маске застрелил этого чокнутого Джона, потому что меня это абсолютно не интересует. А ты, кажется, сказал, что у тебя билет на автобус?

— С тобой просто невозможно говорить! Если тебя так занимает этот фильм...

— Этот примитив? Не говори глупостей. Уж не думаешь ли ты, что я ломаю голову над тем, кто это был в черной маске? Может, Глория?

— Это еще кто такая?

— Твою жену случайно зовут не Глория?

— Мою жену зовут Руженка.

— Тогда можешь радоваться.

— Почему я должен радоваться тому, что мою жену зовут Руженка?

— Да если бы ее звали Глория. она уже лежала бы в ванне мертвая. Так, говоришь, Руженка перешла в главк?

— Не Руженка, а я. Там по крайней мере порядочные люди.

— По-моему, одни гангстеры. То и дело похищают людей.

— Что ты такое говоришь?

— Я ничего не говорю. Это ты говорил о каких-то похищениях в вашем главке.

— Это не я говорил! Это ты говорил!

— Не только я. Интерпол, между прочим, тоже так считает.

— Ну, это уже слишком! С тобой невозможно...

— Со мной еще полбеды, вот с инспектором действительно не поговоришь... Бац! Врезали по голове железной палкой.

— Если бы я знал, ни за что не позвонил бы.

— Боишься, что и тебя укокошат? Ну, почему именно тебя? Скорее, того свидетеля, который все видел. Это логичнее, так ведь?

Он не ответил. Видно, положил трубку. Или его застрелили?

Впрочем, все равно. Я возвращаюсь к телевизору. Детективчик, надо сказать, отличный. Вспомнить бы только, кто такой этот Гёза, что мне звонил...

Перевел В. ЛУЦЕНКО.

— Боюсь, молодой человек, что у вас довольно превратное представление о монашеской жизни...

«Пуэбло», Испания.

— Сам подумай, как в нашей сумасшедшей жизни можно выкроить время для чтения книг?

«Дикобраз». Чехословакия.

Энди возвращается домой, пошатываясь, и ворчит на жену:

— Что ты за человек?! Я тебе вежливо говорю: «Добрый вечер», а ты мне: «Доброе утро»!

•

Врач говорит пациенту:

— Ешьте больше рыбы, в ней содержится фосфор.

— Доктор, моя цель быть здоровым, а не светиться по ночам!

•

— Долго я буду ждать? — кричит клиент в ресторане.— Я десять раз просил бифштекс, а его все нет!

— Чтобы изготовить десять бифштексов, требуется время! — учтиво замечает официант.

КРОКОДИЛ
№ 22 (2392)
август

Главный редактор Е. П. ДУБРОВИН

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес: 101455, МОСКВА, ГСП БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14.

Телефоны: 250-10-86, 212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, С. Веткин, В. Владов, Р. Друккин, Бор. Ефимов, Е. Милутка, В. Мохов, В. Мочалов, В. Песков, Ю. Степанов, Ю. Узбяков, Ю. Черепанов.

Технический редактор Л. И. КУРЛЫКОВА.

Сдано в набор 01.07.82. Подписано к печати 08.07.82. А 05131. Формат бумаги $70 \times 108^1/_8$. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Усл.-кр. отт. 11,20. Тираж 5620000 экз. (1-й завод: 1—3469278). Изд. № 1816. Зак. № 2800.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.

Издательство «Плакат» выпустило серию работ художников-графиков, клеймящих варварскую агрессию Израиля против ливанского и палестинского народов. Публикуемый нами рисунок художника М. АБРАМОВА — один из этой серии.